

Популярно и практически

Признаки публичной философии

Владимир КАЛМЫКОВ,
доктор философских наук,
профессор

Публичная философия представляет сегодня предмет особого исследовательского интереса для ученых. И в первую очередь из-за того, что этот термин выступает в каждой конкретной ситуации как сложное, главным образом идеологическое построение, которое содержит в себе характеристику основных черт общечеловеческой цивилизации.

К теме «публичной философии» впервые обратился американец Уолтер Липпман в 1950-е годы. Он связывал ее с публичной жизнью, деятельностью политических партий, СМИ, книг, школ, церквей. На XXIII Всемирном философском конгрессе, состоявшемся в Афинах в 2013 году, российский академик В.А. Лекторский отметил: если раньше философия в основном ориентировалась на интеллектуальную элиту, то сейчас – на более широкую публику [1, с. 141]. Главный научный сотрудник Института философии РАН В.М. Межуев и профессор Калифорнийского университета М. Буравой делают акцент на публичную социологию. Последний писал о необходимости разделения социологического знания на четыре типа: на академическую, критическую, публичную и прикладную социологию. Еще один российский философ В.Н. Шевченко трактует публичную философию как промежуточное звено между ака-

демической профессиональной философией и идеологическими позициями различных политических движений и партий [2]. Автор имеет в виду, прежде всего, политическую тематику, жизненно важную для различных слоев общества. Одно из проявлений публичного интереса – прагматистско-вопросительное, вследствие чего возникают микрофилософии: философии автомобиля, шопинга, еды и многое другое. В целом же проблематикой публичной философии занимаются совсем немногие исследователи. Мы же попытаемся высказать свое видение обозначенной темы.

Вероятно, синонимом «публичной философии» выступает термин «популярной философии», более близкой для понимания широкими слоями населения. И. Гете и Ф. Шлегель полагали, что вся философия есть человеческий рассудок на туманном языке, понятном только для самого философа. В трактовке русского социолога и философа П.Л. Лаврова философия для одних – наваждение, для других – это кошмар неудобоваримых фраз. Одной из задач появления и развития позитивизма было освобождение философии от загромождения полумистическими понятиями (абсолютный дух, чистый разум и т.д.). Возросла роль конкретных знаний, эффективных действий, обоснованных рекомендаций во всех областях жизнедеятельности.

Экзистенциалисты и постмодернисты, как и позитивисты, не оперировали понятием «публичная философия», но косвенно внесли свой вклад в разработку данной темы, развивая образно-художественно-

ОБ АВТОРЕ

КАЛМЫКОВ Владимир Николаевич.

Родился в 1934 году в г.п. Змиевка Орловской области (Россия). Окончил исторический факультет Харьковского государственного университета (1957).

С 1971 года работает на кафедре философии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. В 1976–2010 годах – заведующий кафедрой, с 2011 года – профессор кафедры философии.

Доктор философских наук (1980), профессор (1981).

Автор более 240 работ, в том числе более двух десятков монографий и учебных пособий.

Сфера научных интересов: проблемы социальной философии, теории способа воспроизводства общественной жизни, сопряженности научно-технической, экономической и культурно-технической революций, роль человека в условиях переходного развития социума, теории социальной технологии, прогнозирование перспектив развития человечества.

теоретический стиль мышления. Публичность философии относится, на наш взгляд, не только к социальной философии, политике, отдельным микрофилософиям, а в целом к философии. Публичность, популярность философии выразим в двух взаимосвязанных аспектах: а) синтезе художественной образности и рациональности; б) повышении прагматичности философии в широком смысле слова и в «повседневности», обыденном существовании людей.

Синтез образности и рациональности

Белорусский просветитель Симеон Полоцкий сравнивал поэзию с красивым садом, а философию – с пчелой, собирающей мед мудрости. Поэзия превращает каплю росы, сверкающей на дереве всеми красками, в бриллиант, считал выдающийся немецкий философ-материалист Л. Фейербах. Философия же, для того чтобы отличить сущность от видимости, касается водяной капли рассудком. Впрочем, философия и искусство не только различны, но и составляют единство. И одно, и другое нацелены на ценностный пласт культуры, на изучение образно-эмоционального среза человека, исключают единственность истолкований, предполагают множество возможных и лично значимых интерпретаций. Различие же между искусством и философией выражается в том, что в искусстве преобладает художественно-образное мышление, пронизанное чувственностью, а философия преимущественно опирается на категориальные абстракции.

Саму философию как «любовь к мудрости» философы представляли метафорически, через аллегории. Древние римляне отмечали: сова, сидящая на плече богини мудрости, вылетает на охоту в сумерки. Это как бы указывало, что все видится размыто, приблизительно, вызывает вопросы. Удивление, как полагал Платон, и есть начало философии. Удивление означает пробуждение сознания, открытие нового в общепринятых воззрениях. Усложнение мира и человека в мире вызывает рост проблемности и возбуждает к философствованию. А то, что философия все представляет в общих чертах (а не совсем четко, как в конкретных науках), метафизически, подчеркивает: свои идеи философия, особенно

на неклассическом и постнеклассическом этапах своего развития, транслирует на «полутонах» [3].

Философы прошлых эпох дали образцы соединения образности и рациональности. Как выразился Платон, душа руководит телом подобно лошадиной упряжке, определяющей путь колесницы. Этот образ помогает прояснить современную позицию, согласно которой душа заряжает тело своей эмоциональной энергией. Платон считал чувственно воспринимаемый мир вещей подобием мира идей, его бледной и несовершенной тенью. Тень здесь – скорее метафора. Взгляды Платона удивительным образом как бы «воскрешаются» в философии начала XXI века: сейчас возникла ситуация, когда вещи буквальным образом появляются из некоего аналога мира идей, повсеместно протянутой паутины-интернета [4, с. 75, 82]. Удачно уловил сущность средневековой схоластики (с негативной стороны) английский философ и политик Ф. Бэкон, считавший ее бесплодной, как монахиня, посвятившая себя Богу. Разрабатывая методологию познания, он сравнивал метод со светильником, освещающим путнику дорогу в темноте, полагал, что нельзя рассчитывать на успех в изучении какого-либо вопроса, идя ложным путем. Ученый не должен уподобляться ни пауку (постулирование общих аксиом), ни муравью (эмпиризм), а должен быть подобием пчелы.

То, что обозначается словом, оказывается многозначным. Вместе с фиксированием и оценкой какого-либо положения вещей в языке должен указываться путь для действия. Видный американский мыслитель и писатель XIX века Р. Эмерсон определил: мысль – цветок, слово – завязь, деяние – плод. Здесь ярко выражена идея о единстве сознания, мышления, языка и деятельности.

Английский философ-материалист Т. Гоббс для характеристики государства и власти прибегнул к образу «левиафана». Данный термин философ заимствовал из библейских сказаний. Левиафан – это многоголовое морское чудовище, губящее корабли и людей и ставшее символом разрушения. В современной интерпретации государство тормозит прогресс общества, когда создаются возможности для формирования госаппарата, интересы которого направлены на обеспечение защитных механизмов привилегированных чиновников,

► Убийство Левиафана.
Гравюра Гюстава Доре,
1865 год

что сокращает возможности к коррекции общественного развития. Итак, на занятиях по философии образ «левиафана» позволяет четче выявить негативную сторону государства, политическое отчуждение.

Иную, позитивную точку зрения о роли государства в функционировании социума высказывали белорусские просветители. Франциск Скорина полагал, что государство, где граждане заботятся об общих интересах, будет процветать. Симеон Полоцкий считал, что государство есть «союз друголюбия», так как люди завязят друг от друга и стремятся к объединению. Такой абстрактный взгляд не соответствовал тогдашней реальности и опережал свое время. Вместе с тем в обозначенной позиции в современной интерпретации выражена рациональная идея о том, что государство в определенных условиях по мере возрастания элементов социальной демократии действительно становится органом баланса всех слоев общества. Сопоставление взглядов Гоббса и белорусских мыслителей в целом проясняет противоречивую природу государства.

Философия обращается к различным аллегориям: упомянутой всемирно протянутой паутины-интернета, сети, сетевого общества, струны, нити (вместо ранее использованного образа точки), ризомы как децентрализованного корневища со множеством отростков (для характеристики постмодернизма и во многом постнекласси-

ческой философии), «черных лебедей» или случайностей, сюрпризов (наряду с преобладающими количественно белыми могут быть и черные лебеди) и т.п. Некоторые из аллегорий стали почти философскими категориями. Наиболее известно образное описание развития в форме раскручивающейся по вертикали спирали, которое давали Г. Гегель, Ф. Энгельс и В. Ленин, с повторением в высшей стадии некоторых черт низшей и возвратом якобы к старому. Современная философия, учитывая прежний подход, дает более богатую, развернутую картину динамики сущего. Например, развитие науки больше похоже на «ветвящееся древо» обогащающихся и усложняющихся знаний-ветвей в множющихся направлениях. Такое развитие относится не только к науке, оно – универсально. Синергетический термин «бифуркация» как раз и означает развилку, разветвление. Перед субъектом возникает проблема выбора. В социальной жизни важно не попасть в катастрофические для человека траектории, по возможности отсекая неблагоприятные сценарии развития. Когда структура того или иного объекта, имеющего начало и конец, в основном определяется, и наступает насыщение информацией, спираль принимает форму сходящейся. При этом уменьшается неопределенность и возрастает уровень организации объекта. По мере перехода от хаоса к порядку сходящаяся спираль выпрямляется. Итак, по одному из возможных вариантов, познание обучающимися диалектики идет от метафоры (образа спирали) к рациональности.

При рассмотрении философских проблем экологии и менталитета людей мы обращаемся к трилогии Якуба Коласа «Наростанях», где описаны некоторые особенности мировоззрения жителей Полесья, формирующиеся под влиянием своеобразной природы. Я. Колас писал, что бесконечные болота учили людей мудрому рассуждению, множество лесов воспитывало в них осторожность. Специфические природные факторы на территории Беларуси способствовали формированию таких типологических черт народа, как способность к упорному труду, сочетание коллективных и индивидуальных форм деятельности, терпимость и доброжелательность, благоговейное отношение к природе. Философ Н.А. Бердяев, рассуждая о растворимости

русской души в необъятности полей и снегов, сделал вывод о склонности русских не к интенсивной, а к экстенсивной культуре.

Русский поэт Сергей Есенин прибегает к приему олицетворения природы (возможно, сказало влияние на поэта еще не вытесненных из исторической памяти языческих мотивов). Черемуха у него спит в белой накидке, вербы и березы – плачут, тополя – шепчут, осень – рыжая кобыла – чешет гриву и т.п. Сквозь творчество поэта проходит идея нравственного отношения к природе, что актуально в современных условиях экологического кризиса. Природа становится моментом оценочного отношения с помощью понятия красоты.

Помимо экологического, человечеству угрожает антропологический кризис. Одним из проявлений последнего выступает встречающаяся в современном обществе замена естественного отношения мужчины и женщины на нетрадиционную интимную ориентацию. Искусство на протяжении сотен лет воспевало дуализм мужского и женского. Например, у писателя эпохи Возрождения Дж. Боккаччо в «Декамероне» в многоцветье разных тем, коллизий и образов царит всемогущий Эрос. Поэт С. Есенин – тоже приверженец нормальных отношений между мужчиной и женщиной. Приведу лишь некоторые отрывки из произведений поэта: «Я средь женщин тебя не первую, / Немало вас» [5, с. 156], «Много женщин меня любило, / Да и сам я любил не одну» [5, с. 166].

Стремление к новизне (в том числе к нетрадиционному интиму) не должно подавлять самой древней традиции человека – естественно-социально-духовного продолжения человеческого рода, чувств, вкуса к жизни: «Жить – так жить, любить – так уж влюбляться. / В лунном золоте целуйся и гуляй» [6, с. 231]. Не являясь ни философом, ни экономистом, С. Есенин в поэме «Страна негодяев» (1922–1923) увидел изъяны рынка и трудности в выражении духовного мира человека:

*«На цилиндры, шапо и кеги
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян»* [5, с. 256–257].

Действительно, в рынке человек становится экономически зреее, но часто духовно, нравственно, эстетически беднее.

Образы и философские предьдеи поэта перекликаются с теоретическими суждениями профессионального философа Н.А. Бердяева, высказанными в это же время (1922): «Чтобы дальше жить, обанкротившимся народам придется, может быть, вступить на иной путь, путь ограничения бесконечного роста потребностей... путь нового аскетизма, т.е. отрицания основ индивидуально-капиталистической системы. Это, конечно, не приводит к отрицанию человеческой изобретательности и техники, но означает изменение ее роли, подчинение ее человеческому духу» [7, с. 19–20].

Связь с практикой

Пифагор, с именем которого традиция связывает появление слова «философия», выделял три образа жизни – чувственный, практический и созерцательный, свойственный философам. Созерцательность, пожалуй, можно выразить как любопытство. Аристотель считал любопытство одной из человеческих особенностей. В современном понимании оно выливается в познание человеком того, что не имеет прямого утилитарного смысла, практического приложения. Помимо обращенности философии на себя (определенная отрешенность философии от мира), утверждается тезис об ориентации философии на практику, на «вызовы бытия», что подчеркивали многие философы: Т. Гоббс, К. Маркс, В.С. Соловьев, Э. Гуссерль, Н.А. Бердяев и др. В трактовке К. Маркса философия предстала как форма знания, получающая импульсы для теоретического мышления от практики, как способ отражения и преобразования исторического бытия во всей его полноте. Н.А. Бердяев выдвигал тезис о создании новой философии путем воссоединения мышления с живыми корнями бытия. Философия не дает готовых рецептов, а опосредованно влияет на практику через формирование научного мировоззрения, диалектического стиля мышления, культуры поведения и действия людей, что нередко приводит к новым способам познания и жизнедеятельности. Современная социальная философия оценивает явления социума с позиций гуманизма, экологии и общечеловеческих ценностей, выполняет функции социального предвидения. Социолог влияет

на формирование общественного мнения, выступает экспертом, участвующим своим советом в принятии решений, важных для жизни общества.

Философия XX века, начиная с Э. Гуссерля, рассматривает человека в «жизненном», «повседневном» мире, в котором индивид опирается на совокупность очевидностей. М. Хайдеггер назвал способ повседневного человеческого бытия заботой. Этому бытию присущи концентрированность на практические достижения повседневных целей, отрешенность от универсума, отказ от таинственно-абстрактных фикций. Повседневности – заботы и тревоги, привычки и привязанности, установки и ожидания. Акцентируем внимание на связь философии с практикой в повседневности.

Развитие общества приводит к изменению проблемного поля философии. Пожалуй, самой актуальной стала проблема обеспечения выживаемости, сохранения и дальнейшего развития цивилизации на основе укрепления жизнеспособности социума, ликвидации в перспективе угрозы мировой термоядерной войны, преодоления опасности ядерных, экологических, техногенных, антропологических и иных катастроф, выбора приемлемой стратегии развития общества. Универсальный закон сохранения цивилизации в «повседневном» мире человека выражается в проблеме оптимального существования отдельного индивида. Каковы же параметры этого существования?

Прежде всего, важна активизация жизнедеятельности. Ведь если тот или иной бездействующий физический или умственный орган человека не тренируется, то он деградирует. Ничто так не истощает и не разрушает человека, полагал Аристотель, как продолжительное бездействие. Кстати, выражая настроения торгово-ремесленных слоев населения, Ф. Скорина в противовес средневековой установке на аскетизм и пассивность призывал к деятельностной активности. Чем выше любознательность, инициативность, напряженность деятельности у человека, тем больше единиц психологического времени расходуется в одном интервале. Перцептуальное время как бы растягивается: у активного человека в памяти остается больше «узлов» интенсивной жизни. Ф. Вольтер считал: кто трудится и кто мыслит, тот расширяет пределы времени.

Однако активизация деятельности должна сочетаться с противоположной тенденцией: экономией сил и энергии человека. В условиях современного лавинообразного роста информации оказался востребованным принцип экономии затрат мыслительной энергии, сформулированный Э. Махом в его «Принципе сохранения работы» – (1872) и Р. Авенариусом в «Философии как мышлении о мире сообразно принципу наименьшей траты сил» (1876). Встает задача не только проверки истинности или ложности получаемых из разных источников сведений, но и придания информации сжатой, сконцентрированной формы. К теме экономии энергии шире подошел основатель психологического эволюционизма американец Л. Уорд, который полагал, что движущей силой исторического развития для обеспечения группового чувства безопасности выступают социопсихологические факторы цивилизации: экономия труда и экономия духа. Данную позицию можно представить как «цену» осуществления процессов: достижения большей результативности при минимизации затрат энергии природных и материальных ресурсов, человеческих сил и способностей и т.п.

Обе сформулированные антиномии сводимы к следующему диалектическому синтезу: аналогично тому, как возбуждение и торможение в физиологических процессах выступает источником развития живого организма, так и активизация жизнедеятельности наряду с экономией сил и энергии является условием сохранения (до момента смерти) и достойного существования отдельного индивида. В конкретных условиях и на определенных этапах жизни человека на первый план выходит одна из названных тенденций, что не исключает функционирования противоположной. Отсюда напрашивается рекомендация для усваивающих философию соблюдать баланс, меру в сочетании активности и экономии жизненной энергии. Таким образом, фундаментальное знание связывается с практико-ориентированным, а изучаемый материал становится жизненно важным и более доступным для усвоения.

В широко известной формулировке У. Джемса и Э. Фромма «Иметь или быть?» одно противопоставлено другому. Но ведь чтобы комфортно «быть», надо «иметь» и успешно реализовывать себя. Значит,

корректно рассуждать «быть» (достойно существовать) и «иметь» (пользоваться благами). Однако связка «быть» и «иметь» также не отражает всей богатой палитры жизни. Чтобы достигнуть единства «быть и иметь», необходимо «уметь», то есть проявлять свою дееспособность. Действующие люди выступают как исполнители социальных функций, ролей в своеобразном «спектакле» на «сцене» истории. Сыграть успешную роль производительной, социальной, политической и духовной силы общества можно в современном информационном обществе, наполненном рисками и угрозами, если «знать», проявлять интеллект, полноту чувств, страсти. Итак, вырисовывается вывод-рекомендация о необходимости достижения личностью гармонии между такими составляющими человеческого существования, как быть, иметь, знать и уметь. Такое практико-нацеленное преподавание, рассчитанное не на абстрактного человека, а на живого конкретного индивида, глубже усваивается обучающимися.

Успешно осуществить себя – значит сделать карьеру. Человек, в представлении немецкого философа Г. Плеснера, должен сам себя сделать тем, кто он есть. Достигнув чего-либо, он не может обрести покой, а должен стремиться к бесконечному самоизменению. Карьера – последовательное выполнение личностью ролей и видов деятельности, продвижение индивида на основе использования своих способностей, опыта, умений, навыков и знаний по ступеням производственной, социальной, управленческо-административной, научной, спортивной или иной иерархии ради блага общества и собственного, стремление превзойти самого себя. Человек, заметил Н.А. Бердяев, существо, недовольное собой и способное себя перестраивать. Приведенные суждения ненавязчиво подталкивают студента к выводу, что в последующей своей деятельности он не должен стесняться стремления к карьерному росту. Конечно, обучающиеся должны усвоить отличие его от карьеризма. Карьеризм есть стремление выслужиться любой ценой для получения привилегированного положения в обществе, когда личные амбиции превалируют над общественным долгом. А.С. Грибоедов в комедии «Горе от ума» удачно выразил словами своего героя Чацкого отличие ка-

◀ Иллюстрация к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»

рьерного роста от карьеризма: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

Публичность, популярность философии не направлена на понижение планки рациональности, глубокой теоретичности философии. В процессе обоснования философских положений задействованы в определенной степени принцип наглядности, правило сведения сложного к простому. Обращение к публичной философии в большей степени правомерно для пропаганды философских знаний широким слоям населения, преподавания и в меньшей в профессиональной разработке фундаментальных теоретических философских проблем. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Чумаков, А.Н. Российская философия во всемирном измерении / А.Н. Чумаков, А.Д. Королев // Философские науки. – 2014. – № 8. – С. 136–147.
2. Шевченко, В.Н. Публичная философия: между академической философией и идеологиями политических движений / В.Н. Шевченко // Философские науки. – 2014. – № 1. – С. 42–57.
3. Калмыков, В. Неизменная изменчивость / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2014. – № 11. – С. 90–94.
4. Емелин, В.А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 74–84.
5. Есенин, С. Собрание сочинений в трех томах / С. Есенин. – М., 1970. – Т. 2. – 447 с.
6. Есенин, С. Собрание сочинений в трех томах / С. Есенин. – М., 1970. – Т. 1. – 353 с.
7. Бердяев, Н.А. Человек и машина / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 147–162.